

Улыбка застыла на его губах, и прежде чем успела начаться паника, сзади раздался звонкий зов:

— Братец!

Цинь Мянью обернулся и увидел белого коня, на котором верхом сидела Цицигэ. Конь сбежал с небольшого холма в степи.

Вид белого коня заставил его сердце сжаться. Он поднес руку к губам и свистнул.

Конь, услышав свист, сразу замедлил шаг и твердо подошел к нему.

Цицигэ натянула поводья, спрыгнула с коня и посмотрела на Цинь Мянью:

— Братец, почему ты не дал Сяобаю побегать со мной подольше?

Цицигэ была одета в традиционную монгольскую одежду, с челкой, которую он сам подстриг. Челка торчала, как маленький веер, ни один волосок не хотел прилегать ко лбу.

— Сяобай... — начал он, но в голове не нашлось причины, почему нельзя было дать Сяобаю побегать с Цицигэ подольше.

Если копнуть глубже, он мог бы вспомнить то, что не хотел вспоминать. Свет ударил ему в глаза, и он поднял голову, увидев, как темные облака проплывают мимо, обнажая большую часть яркого белого солнца.

— Солнце вышло? Снег скоро растает! Он говорил, что придет, когда снег растает, значит, он должен скоро прийти, правда? — Цицигэ с энтузиазмом дернула поводья у Сяобая. — Братец, я отведу Сяобая в конюшню, а потом пойдем в беседку ждать его!

Когда они подошли, беседка на станции была полностью окутана солнечным светом.

Тонкий слой снега на ступеньках дороги начал таять первым, вода смешивалась со льдом, оставляя их растаявшие следы.

Солнечный свет был виден в виде лучей, и Цинь Мянью протянул руку, чувствуя легкое тепло, проникающее сквозь ладонь.

Хэ Линнань когда-то рассказывал ему, что это называется эффектом Тиндаля.

Солнце светило на лед толщиной в ступеньку, и лед отражал слабые цвета, как прозрачная

радуга.

— Братец, что случилось? — Цицигэ наклонила голову, изучая его лицо. — Ты сегодня выглядишь как-то странно.

Цинь Мянью моргнул, и радуга то появлялась, то исчезала.

Он не должен был видеть снег, ведь красный Амалаг не может существовать вместе со снегом: лето и зима не могут наступить одновременно.

Наконец он вспомнил те смутные сны, которые заставляли его дыхание останавливаться.

В снах он снова и снова видел Цицигэ, с которой не мог справиться.

— Прости, — сказал он.

— Братец?

— Когда ты была жива, у меня была мысль: если бы ты вдруг исчезла. Я думал, что без тебя я смогу сбежать отсюда. Но потом ты умерла, и я понял... ты никогда не была для меня обузой.

Цинь Мянью поднял глаза и посмотрел на Цицигэ:

— Прости.

Цицигэ глупо улыбнулась, а затем уголки ее губ опустились, будто их кто-то потянул вниз, и все лицо сморщилось, как бумага, но слезы не потекли:

— Я ждала, когда ты скажешь, что я не обуза... Я действительно не обуза?

— Ты не обуза, — Цинь Мянью обнял ее, подбородок уткнулся в ее мягкие волосы. — Никогда не была.

— Братец, — Цицигэ издала звук, похожий на ворчание Хуахуа.

Цинь Мянью опустил голову и увидел руку, которая держала его. Рука была пухлой, как у... ребенка.

Вскоре он заметил, что его собственная рука тоже стала маленькой. Подняв голову, он увидел Цицигэ с косичками, несколько прядей волос прилипли к ее круглому лбу. Цицигэ улыбнулась,

ее пухлые щеки поднялись, и глаза превратились в полумесяцы: это был ее образ в восемь лет.

— Малыш!

Знакомый голос раздался позади него.

Цинь Мянью обернулся и увидел лицо, которое его очень удивило.

— Дядя Хэ... — пробормотал он. — Ты как здесь оказался?

— Пошли, — Хэ Жуньяо махнул ему рукой. — Я же обещал забрать вас двоих, вот и пришел.

Едва он закончил говорить, раздалась шага, и перед ним остановилась девочка, выглядевшая на его возраст.

У девочки была очень светлая кожа, щеки покраснели от холода, а две косички были аккуратно заплетены.

Цинь Мянью, дрожа, взял Цицигэ за руку и встал:

— Привет.

Девочка, не говоря ни слова, внезапно бросила в него снежок.

Снежок попал в него, и он зажмурился; снег рассыпался по плечу, оставляя холод.

Мальчик подбежал и отчитал девочку:

— Сяомань, зачем ты его ударила?

У мальчика были глаза красивее, чем солнце, а на шее была белая шарф, связанная в монгольском стиле.

Цинь Мянью сжал руку Цицигэ и вдруг понял, что это Хэ Сяомань и Хэ Линнань.

В волнении он отступил назад, пятка наткнулась на бордю, и он начал падать. Мальчик протянул руку и схватил его за руку.

— Это моя дочь и сын, — Хэ Жуньяо подошел к нему, сунул белую плюшевую игрушку кролика

в руки Цицигэ и поднял ее на плечи. — Держись крепче, теперь мы одна семья!

Хэ Сяомань фыркнула и отвернулась.

Рука Цинь Мянэ осталась без Цицигэ; десять пальцев метались, не зная, куда деться.

Монгольское солнце окутало мальчика перед ним мягким светом. Цинь Мянэ смотрел на него, хотел улыбнуться, но губы дрожали, и ему хотелось плакать.

— Тебе не холодно? — Хэ Линнань наклонил голову.

Цинь Мянэ открыл рот, чтобы ответить, но не успел произнести ни слова, как Хэ Линнань снял шарф с шеи и, как хадак, накинул его на шею Цинь Мянэ, обмотал вокруг и поднял переднюю часть, закрыв подбородок.

Шерсть обняла его, слегка покалывая кожу.

Неожиданное тепло вызвало растерянность.

Если бы он знал, что встретит такое тепло, то каждая снежная буря в его жизни приносила бы радость.

Такую же радость, какую Цицигэ испытывала, ожидая Хэ Линнаня в беседке в каждый тающий снег полдень.

Он поднял руку и потрогал шарф:

— Спасибо... спасибо.

— Не за что, — Хэ Линнань улыбнулся.

<http://tl.rulate.ru/book/5531/191024>